

УДК 811.161.1

КОНЦЕПТ «ЦАРЬ» В ИЕРАРХИИ ТРАДИЦИОННОЙ КАРТИНЫ МИРА НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ю. В. Шуйская, А. И. Вьюгов

Институт международного права и экономики
кафедра истории журналистики и литературы

В статье рассматривается место концепта «царь» в сознании носителя русского языка на материале словарных статей и репрезентации концепта в различных прецедентных текстах.

Ключевые слова: концепт, языковое сознание, языковая картина мира, царь, иерархия.

Слово *царь* этимологически связано с *цезарь*, *Caesar*. «Официальное мнение, что слово происходит от слова “Цезарь”. Карамзин с этим не согласен. Он пишет: “Сие имя не есть сокращение латинского “Цезарь”, но древнее латинского. Происхождение восточное”. Он просит обратить внимание на имена ассирийских и вавилонских царей: Фалассар, Набонассар и т. д.» [18]. В словаре Фасмера, однако, указывается именно латинская этимология: «... титул, принятый в 1547 г. Иваном Грозным <...> укр. *цар*, др.-русс. *цьсарь* – в качестве обозначения визант. императора <...> др.-русс. *царь* “властитель, государь”, а также название татарского хана <...> болг. *цар* – титул др.-болг. правителей, начиная с царя Симеона (917 г.), сербохорв. *царь*. Поздним заимств. из русск. является чешское *car*, польское *car* “царь”. || Источником этих слов является форма **сёсарь* “император”: др.-русс. *цьсарь*, ст.-слав. *цѣсарь* βασιλεύς, κύριος <...> сербохорв. *цѣсар* “император, кесарь”, словен. *céсар*, род.п. *cesárja*, чеш. *císař*, слов. *ciśár*, польск. *cesarz*, – которая восходит через гот. *Káisar* “император” к лат. *Caesar*. <...> Сокращение *цьсарь* > **цьсарь* имеет параллели в др. подобных случаях в титулах; ср., напр., англ. *king*, шв. *kung* “король”...» [15, с. 290–291].

Исходя из цитированной словарной статьи и других источников, можно заключить, что в семантическую структуру сущ. *царь* входят следующие компоненты:

Властитель, верховная власть.

Достаточно новый термин по ситуации XVI века, сущ. *царь*, в отличие от «князя», «конунга», подразумевало помазанника Божия. К примеру, Ю.Н. Нагибин противопоставляет «царя» – «вотчиннику»: «Царь Иван был словесной мудрости ритор. Крепко уязвило его, что не смог он побить Филиппа словом. Явившись в храм в другой раз, в ответ на обличения митрополита сказал громко и надменно: “Царь волен жаловать своих холопов и казнью волен их казнить!” На что Филипп тут же обронил чуть не с усмешкой: “Се словеса, достойные не царя, а вотчинника”. И никто в храме не понял, какую жестокою рану нанес он царю. Иван был первым русским государем, узревшим в себе царя в библейском смысле: помазанник Божий. До этого не поднялись ни его отец, ни дед. Слова Филиппа низвергли его с высоты, в ничтожество удельного княжения» [12, с. 33].

Еще до использования именованя *царь* применительно к русским царям существительное *царь* использовалось по отношению к царям библейским.

Можно предположить, что первый компонент представляет собой узуальную часть значения сущ. *царь*, а второй и третий компоненты – окказиональные, проявляющиеся в особых контекстных условиях.

Слово *царь* вошло в русский язык достаточно рано, однако вплоть до XV–XVI веков оно не воспринималось как именование именно русского царя. Отметим, что в XIX веке, к примеру, сущ. *царь* воспринимается именно как именование русского царя. Так, слова гимна «Боже, Царя храни!» – это отрывок из стихотворения Жуковского «Молитва русских» [8, с. 88], и сущ. *царь* однозначно воспринимается как «русский государь». Однако в древнерусском языке такого тождества еще не было. Это объяснимо с точки зрения развития титула «царь»: до появления его в обращении к русским властителям «царь» мыслился скорее как иноземный, чужой властитель. В то же время исследователи древнерусской картины мира говорят о том, что лексема *царь* занимала в ней важное место. В частности, Н. В. Писарь в своей диссертационной работе пишет: «Богъ, господь, владыка, вешънии, царь, судия, вьседържителъ, блюстелъ, творьць, съпаситель, провидьць, наставъникъ, челоуколюбьць, податель, мьстителъ, среди которых доминантное положение занимает лексема Богъ. Данные лексемы образуют между собой синонимические ряды, объединенные по смыслу, но в то же время каждая из лексем, входящих в эту лексико-семантическую парадигму, обладает своим дифференциальным значением, которое и определяет специфику функционирования ее в качестве номината концепта в том или ином контексте» [13, с. 17].

Следовательно, «царь» в иерархии занимает место Бога, земной и небесный властители могут символически соотноситься. Исследованию понятия «царь» в картине мира Смутного времени посвящена статья М. А. Коротченко [11]. Концепция «царя» как помазанника, царя как богоравного и занимающего место Бога в иерархии была сформирована именно в эту эпоху. М. А. Коротченко рассматривает работы историков и публицистов этой эпохи, показывая, как формируется в русском сознании категория «царя»: «Много места в своих размышлениях дьяк уделяет проблеме идеального правителя. <...> Это в том случае, если ты Богом венчан на царство, если ты так же велик, как Новый Израиль, а не расстриженный монах-самозванец или вор, ненавистью, убийствами и интригами прокладывающий себе дорогу на престол Российский, о чем даже помышлять недостойн. А пред истинным царем России другие правители преклонят колени в высочайшем почтении. И так будет всегда!» [Там же, с. 398].

Другой труд, в котором обсуждается вопрос «царь / не царь», – это «Сказание» Авраамия Палицына. Он, как и Иван Тимофеев, сторонник сильной царской власти, сильного правителя, ставшего таковым по божественному провидению. У Тимофеева и Палицына единый критерий оценки монарха. Как отмечено М. К. Коротченко [Там же], это иосифлянская традиция. Г. П. Федотов писал об Иосифе Волоцком, «родоначальнике» этой концепции: «Но социальное служение у св. Иосифа вырастает в национальное. Горячий патриот, он собирает сведения о русских святых и монастырях, он восторженно славит святость русской земли: “Русская земля ныне благочестием всех одоле”. Средоточие этой земли – в московском великом князе, и Иосиф служит ему, развивая теорию божественного происхождения царской власти и приравнивая к ней власть великого князя, задолго до венчания на царство Иоанна.

“Царь убо естеством подобен есть всем человеком, властью же подобен есть высшему Богу”. <...> Иосиф любит власть, хочет сделать ее бдительной и строгой» [16, с. 65].

«Не используя новых и оригинальных сравнений, князь называет Бориса Годунова Каином, приведя известный библейский сюжет в виде *пересказа в контексте* <здесь и далее выделено авторами. – Ю. Ш., А. В.>: “... яко же древлетреокаянный Каин, дерзнувший на праведнаго брата своего Авеля и убийственными делы, еже Бог не остави без епитимья, стенание же и трясение удесем его положи, zde же и горша сих: раб на владыку помысли и помысл дело бысть”» [11, с. 403]. Аллюзии к Библии использованы также в описании убийства царевича Димитрия и в описании Василия Шуйского.

Интересен подход к пониманию царя и другого древнерусского историка – Хворостинина: «Безусловно, Хворостинин не отрицает божественной природы праведного царя, но и убежден, что никто не может с уверенностью сказать, что безгрешен. Очевиден здесь дополнительный – оправдательный – смысл *точной цитаты с вводной конструкцией*. Похоже, и в данном случае книжник пытается не быть слишком односторонним в оценках: с одной стороны, говорит о божественной природе государя, с другой стороны, для Хворостинина царь – человек, наделенный долгом и колоссальными обязанностями по отношению к своим подданным. Он должен заботиться об их благополучии и равенстве перед законом (возможно, это отголоски социнианской концепции)» [11, с. 410].

Таким образом, сущ. *царь* у наших предков воспринималось не просто как именование должности. Царь – это помазанник Божий, и по отношению к нему может обсуждаться вопрос «настоящий / не настоящий». Не случайны легенды о подмене младенца, о незаконном занятии трона Иваном Грозным, – якобы он не являлся на самом деле старшим сыном. Соломония Сабурова, первая жена Василия III, бывшая бездетной и постриженная в монастырь, якобы родила там ребенка, который по старшинству должен был стать наследником престола. Этот сын (если он существовал) прожил всего несколько лет и умер малолетним (см.: [7]).

В дальнейшем Иван Грозный и сам доказывал разницу между настоящим и ненастоящим царем, – стоит вспомнить его показательный отказ от трона и наречение царем Симеона Бекбулатовича. Вопрос «царь / не царь» в XVI веке стоял остро, и события после смерти Ивана Грозного только усилили эти искания: в отсутствие законного претендента на трон выбор царя осуществлялся в соответствии с родословной.

В XVIII в. понятие «царь» сменяется понятием «император», – Петр I уже иначе видит и картину власти в России, и свою роль в ней. Таким образом, именно в XV–XVII вв. понятие «царь» особенно интересно, что дает возможность плодотворно проанализировать и рассмотреть его.

Таким образом, сформировавшееся в поздний древнерусский период понятие о царе определяет наличие в семантике сущ. *царь* следующих компонентов:

- помазанник Божий, представитель Бога на Земле;
- законный наследник, получивший право на трон в силу кровного родства;
- мудрый правитель, заботящийся о своих подданных;
- человек, прославившийся определенными подвигами, превосходящий других своими личностными качествами.

В словаре И. И. Срезневского сущ. *царь* представлено в вариантах *царь* и *цезарь* (*цесарь*) [14]. При этом первые значения слов *царь* и *цесарь* совпадают: «вла-

стителю, государю», однако по второму значению к сущ. *царь* приводится в качестве синонима – хан *Татарский*, а к сущ. *цесарь* – «царь небесный». Автор словаря сознает, что *царь* и *цезарь* тождественны, и даже примеры на словоупотребление могут казаться тождественными из-за особенностей сокращенного написания обоих слов. Вместе с тем в примерах наблюдаются и различия. В словарной статье «Царь» отмечены «царь Римъ» (Ромул), в честь которого назван одноименный город, и «Чингис царь» (Чингис-хан). На сущ. *цесарь* в словаре Срезневского в три раза больше контекстов, чем на *царь*.

Значения, актуализованные в производных формах, позволяют судить об узуальных и окказиональных компонентах значения сущ. *царь*: обычно этим словом обозначается властитель, причем это не обязательно властитель, который правит на Руси, – он может быть и иноземным, что отмечено в толковании «царя» как «хана Татарского». Далее, «царь» ассоциируется с царем небесным, что, в частности, проявляется в употреблении выражений типа *царские врата* и *царство небесное*. Кроме того, сущ. *царь* мыслится преимущественно не как именование конкретного человека, не как именование должности, функции, что подтверждается употреблением слова *царство* в абстрактном смысле «царская власть». Аналогичные производные имеет и сущ. *цесарь*: *цесарствовать*, *цесарство* и др. [Там же, с. 1464–1465].

Значения, актуализованные в указанных формах, позволяют подтвердить компоненты значения, уже выявленные прежде: *цесарь* является властителем, правителем, главой государства. Он ассоциируется также и с владыкой небесным, с Богом, а *цесарство* – это не только земля, властителем которой является цесарь, но и царство небесное. Могут быть также добавлены другие компоненты: так, появление притяжательных прилагательных типа *цесарьскы* подразумевает наличие стереотипа «истинного цесаря», которому свойственно либо несвойственно делать определенные вещи. В современном русском языке эту функцию выполняют прил. *царственный* и наречие *по-царски* (ср.: *накормить по-царски*, *принять по-царски*).

Таким образом, материалы словаря И.И. Срезневского подтверждают, что основным, узуальным значением сущ. *царь* является «высший властитель». Можно также сделать выводы об окказиональных, выявляемых в контексте компонентах значения, определяющих частные характеристики царя:

- царь небесный – ассоциация с Богом;
- «истинный царь» – определенная манера действия, определенный способ общения;
- царь как носитель определенной функции – абстрактное олицетворение правления и власти.

Рассматривая сущ. *царь* в контексте его этимологии, употребления в трудах древнерусских книжников и представления в словарях, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, сущ. *царь* является освоенным заимствованием: этимологически восходящее к латинскому *Caesar*, оно было заимствовано дважды: в относительно ранний период, когда в разных славянских языках это слово приобрело различные облики, и далее снова заимствовано уже в сокращенном виде *царь*. Пользующиеся этим словом осознают синонимию двух слов, однако у сущ. *цесарь* и *царь* разные частные значения, что выявляется в контекстах и производных; поэтому хана *Татарского* можно назвать «царем», но не «цесарем», глагол *царствовать* значит «править», а глагол *цесарствовать* может иметь значение «пребывать в царствии небесном».

В-вторых, в трудах историков Смутного времени чаще используется сущ. *царь*: они говорят о проблеме истинного и неистинного царя, описывая события, приведшие к прерыванию цепи наследования. Кроме того, они также ассоциируют царя земного с Царем Небесным, и события русской истории в их представлении описываются через призму библейских событий.

Большая часть производных от сущ. *царь* и *цесарь* – это существительные, обозначающие членов царской семьи, на втором месте притяжательные и относительные прилагательные, обозначающие вещи, принадлежащие царю, или личные качества царя, далее по частоте употребления глаголы, обозначающие действия царя, затем абстрактные существительные типа *царство*. Это говорит об освоении заимствования языком и об осмыслении его не только как именованной должности, конкретного человека, но и как образца верховного правителя. Такие качества окказионально включаются в семантику сущ. *царь*. Это следующие качества: доблесть, мудрость, мужество, справедливость, щедрость, доброта.

Анализ узуальной и окказиональной семантики сущ. *царь* позволил выявить следующие закономерности.

Семантика сущ. *царь* прошла путь от восприятия данного слова как неосвоенного заимствования через принятие концепта как «своего» вплоть до противопоставления его «чужому» («царем» в российской речевой практике называется русский правитель, «королем» – чужой, иностранный). Слово *царь* в переводных произведениях использовалось в сочетании с именами библейских царей – царя Давида, царя Соломона. При этом «царь» не воспринимался как единственный властитель – в ряде контекстов к царю приходят «цари», – очевидно, тоже властители. В русской практике сущ. *царь* первоначально использовалось как именование иностранного правителя, затем стало применяться к русскому властителю вместе со сущ. *князь*, в том числе в сочетании *царь и великий князь*, являвшимся полным наименованием титула.

Перемена значения слова связана с событиями русской истории и укрупнением государства в эпоху Ивана IV: если «князь» ассоциировался с племенем, родом, достаточно небольшой группой людей, то «царь» – это уже глава государства. Как указывают историки, Иван Грозный серьезно относился к титулу «царь», и для него было важно именно именование, связывающее его с Богом: «царь», в отличие от «князя», – это помазанник Божий. Князей в государстве было много, и в качестве главы государства князь воспринимался как «первый среди равных», а царь являлся единственным, – его власть была освящена церковью.

Формирование нового значения тесно связано с параллелью между царем и Богом и между Москвой и Римом: царь не просто представитель верховной власти, он – помазанник Божий, представитель Бога на земле. Благодаря этой аналогии складывается параллель «царь – Бог – отец». Царь является отцом своих подданных (так же как Бог является отцом всех людей, живущих на Земле).

Понятие царя оценивается в категориях «настоящий / ненастоящий» (пародийной реализацией этого противопоставления является сцена из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»: войско бунтует, утверждая, что царь ненастоящий). К царю предъявляются более серьезные требования, чем к князю, – князь становится таковым по рождению, царь также наследует свой титул, однако он может не соответствовать высоким требованиям, предъявляемым к его должности. Иван Грозный подчеркивал «истинность» царя, например, с помощью своего «ухода»: вместо себя он посадил на трон пародийного «царя» – татарского хана Симеона Бекбулатовича.

Сущ. *царь* в древнерусской литературе могло использоваться применительно и к татарскому хану, однако татарский хан никак не мог оказаться «настоящим царем» – помазанником Божиим, так как был мусульманином.

Сущ. *царь* породило множество производных, однако большая их часть связана именно с идеей «принадлежащий царю», – так, производными словами именуется жена и дети царя, есть целый ряд притяжательных прилагательных, применяемых к имуществу царя, и др. (*царица, царевич, царевна, царев, царский, царевский*). Сущ. *царство* обозначает не только территорию, которой правит царь, но и царство небесное, что вновь подчеркивает параллелизм царя и Бога. То же касается и глагола *царствовать*, который имеет не только значение «властвовать», но и «пребывать в царствии небесном». Указанные признаки потенциально содержатся и в лексическом значении сущ. *царь*.

Контекстуальный анализ показал, что для текстов рассматриваемой эпохи актуальными были следующие качества царя: царь воспринимался как справедливый, мужественный и доблестный, его действия должны были служить образцом для подданных, по своим душевным качествам он должен был превосходить обычных людей.

Список литературы

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л. и др. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. 512 с.
2. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 184 с.
3. Алексеев А. В. Концепт как исторически сформированный семантический потенциал слова // Ученые записки Московского гуманитарного педагогического института. 2009. Т. 7. С. 308–318.
4. Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика» XVII века. М.: Добросвет, 1999. 502 с.
5. Бердяев Н. А. Душа России. М.; Л.: Сказ, 1990. 29 с.
6. Бычков В. В. Эстетическое сознание Древней Руси. М.: Знание, 1988. 61 с.
7. Емельянов-Лукьянчиков М. Правда об атамане Кудеяре, или как Соломония Сабурова спасла Россию от смуты [Электронный ресурс] // Православие.RU. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/58468.htm>. (Дата обращения: 10.09.2015).
8. Жуковский В. А. Избранное [Электронный ресурс] // Издательство «Просвещение». URL: http://www.prosv.ru/ebooks/lib/11_Jukovskii_Izbr/index.html. (Дата обращения: 10.09.2015.)
9. Коротченко М. А. Образ автора в исторических повестях Смутного времени (на материале «Временника» Ивана Тимофеева) // Филологические науки. 1998. № 2. С. 14–23.
10. Коротченко М. А. Композиционная роль повторяющихся мотивов в «Истории предидущим родом» Авраамия Палицына // Вестник общества любителей Древней Руси за 2000 год. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 16–30.
11. Коротченко М. А. Влияние сочинений Иосифа Волоцкого на исторические повести о Смутном времени // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 10. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 396–428.
12. Нагибин Ю. Н. Поездка на острова. М.: Молодая гвардия, 1987. 593 с.
13. Писарь Н. В. Дихотомия «Бог – дьявол» в древнерусской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Писарь; Балтийский

- федеральный ун-т им. И. Канта. Калининград: Балтийский федер. ун-т, 2011. 25 с.
14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1912. 1684 с.
 15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
 16. Федотов Г. Трагедия древнерусской святости // Путь. 1931. № 27. С. 43–70.
 17. Шуйская Ю. В. Ссылка на авторитет – главный аргумент русского оратора // Новая адвокатская газета. 2011. № 2. С. 12.
 18. Юдин В. Д. Курс лекций по истории России [Электронный ресурс] // Семинарская и святоотеческая библиотеки. URL: http://otechnik.narod.ru/udingrhisr_1.htm. (Дата обращения: 10.09.2015.)

THE “TSAR” CONCEPT IN THE HIERARCHY OF TRADITIONAL LANGUAGE WORLD PICTURE OF THE SPEAKER OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Y. V. Shuiskaya, A. I. Viugov

A. S. Griboedov’s Institute of International Law and Economics
the Department of the History of Journalism and Literature

The article is devoted to the position of concept “tsar” in the mind of the Russian language native speaker, and is based on the material of dictionaries, and concept representation in different precedent texts.

Keywords: *Concept, language cognition, language world picture, tsar, hierarchy.*

Об авторах:

ШУЙСКАЯ Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (111024, Москва, ш. Энтузиастов, 21), e-mail: shujskaya@yandex.ru.

ВЬЮГОВ Алексей Игоревич – аспирант кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (111024, Москва, ш. Энтузиастов, 21), e-mail: alex-vyugov@yandex.ru.

About the authors:

SHUYSKAYA Yuliya Viktorovna – candidate of Philology, Professor of the Department of history of journalism and literature, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics (111024, Moscow, Entuziastov highway, 21), e-mail: shujskaya@yandex.ru.

VYUGOU Alexey Igorevich – postgraduate student of the Department of history of journalism and literature, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics (111024, Moscow, Entuziastov highway, 21), e-mail: alex-vyugov@yandex.ru.